НОВАЯ серия

елена
фанайлова

[черные костюмы]

НОВОЕ издательство

Елена Фанайлова

Черные костюмы

«Новое издательство»

2008

Фанайлова Е.

Черные костюмы / Е. Фанайлова — «Новое издательство», 2008

Елена Фанайлова родилась в 1962 году, окончила Воронежский медицинский институт и лингвистический факультет Воронежского университета, живет в Москве, работает на радиостанции «Свобода». Автор поэтических книг «Путешествие» (1994), «С особым цинизмом» (2000), «Трансильвания беспокоит» (2002), «Русская версия» (2005). В книге «Черные костюмы» собраны стихи последних лет.

© Фанайлова Е., 2008
© Новое издательство, 2008

Содержание

Москва 5
МОСКВА 5
♥ 7
ИСТОРИЯ КАТУЛЛА 9
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Елена Фанайлова
Черные костюмы

The Art and Craft to know well to Dy
(народная английская книга, 1500)

Москва

МОСКВА

1

Я становлюсь каким-то *Кибировым.*
Какой-то *Земфирою-простодырой.*
Простите меня, Леонид Аркадьевич,
Мне не вставляют ее альбомы,
Как и альбомы Егора Летова,
И я их слушаю не для этого,
Но я их слушаю по-любому.

Я становлюсь каким-то Киркоровым
С его сиськами в розовой кофточке,
То ли обкуреннным, то ль поддатым.
Таким нелепым стыдливым боровом
В пуху, в картузе с козырьком,
В розовой кофте фата
А то и совсем неодетым
Трикстером, голым корольком.

Неважно, кем я становлюсь —
Станком ебальным, целью дальней,
Каким-то дураком исповедальным,
Мучительным как родина и блюз,
Луизиана и европа-плюс,
Каким-то скверным юношей скандальным

– Есть смерти для меня

2

У меня от тебя, москва, ломит все тело.

У меня от твоей любви вся пизда в занозах.
Я работаю на тебя как таджикский наркоторговец,
Молдавский трубоукладчик, украинский сантехник.
По ночам от усталости я напиваюсь.
Отдыхаю, короче, как сапожник и грузчик.

Я хожу по твоим улицам как чужестранец
Без регистрации и прописки
В невидимом миру хиджабе.
Я плачу отступные по обкурке и пьяни твоим ментам.

У меня на твоих кладбищах лежат люди
Думу думают, подпевают:
Мы уже не сможем бросить тебя, родная,
Даже не сомневайся

♥

На посещение церемонии награждения лауреатов «Русской премии», которая присуждается лучшим писателям СНГ. Патронируется Кремлем, спонсируется местным бизнесом. Памфлет, который заканчивается плачем.

У меня в *обоих* руках по два астральных пулемета:
Отстреливаться по-македонски
От Колерова Модеста.
Товарищ не просто не понимает —
Его постигло глубокое охуенье,
Охуение, откуда нет возврата.
Носферату, чисто Носферату,
Вот и молодые клычки над белою манишкой

(*Провинциальный демонизм,*
Как излагает мой друг Бергер,
В прошлом работник политического пиара.)

Модест выпускает на сцену свежих блядей в попонках,
В балеринских, накажи меня Бог, пачках.
Также русский хор с лицами усталых
Горожан в четвертом поколеньи.
Они поют славу лауреатам.

Молодая в золотых босоножках
Телезвезда со старым телемущиной,
Некогда ведущим Хрюши и Степаши,
Вызывают на сцену бедных призеров,
Честных литераторов бывших союзных республик.

Как они не плюют в лицо этим московским,
Этим богатеньким недоумкам,
Кремлевским (кулацким – Гуголев говорит) подпевалам,
Недотыкомкам Соллогуба?
Тысяча долларов – крупная сумма
Для писателя из Казахстана,
Узбекистана, Армении, Беларуси.
Приедут домой – такое расскажут!
Что их напечатают в Петербурге,
Что повезут, наверное, за границу,
Поджигая море, полумертвую в руках синицу.

Я там была, попила их кофий,
Погребовала ихней водкой и жрачкой,
Денег на фуршет хватило бы на зарплату,

Извините за социалистический пафос,
Врачам, медсестрам и санитаркам,
Географам, военрукам и техничкам
Одной городской больницы, одной сельской средней
школы.
Видела поэта Родионова – он бухал и смеялся.
Видела поэта Шульпякова, он надменно
Сидел спиною к сцене, но за столом с кормежкой.
Видела поэта Гуголева, он оказался Приятелем лауреата из Ташкента.

Не успела повидать Лешу Айги.
Он со своими парнями
Должен был развлекать Ташкентского митрополита,
Людей в дорогих одеждах и других, в богемном нечистом
прикиде,
Всех, кто изрядно выпил,
В вечерних костюмах, *а надо выбрать – деревянных*,
С деревянными личиками буратинок.

Десять дней назад у Леши умер отец,
И я не смогла доехать в госпитальный морг
На Соколе, меня оставили сила, доблесть и гордость,
Честь, любовь, состраданье, другие человеческие чувства.
Зато возникли в уме картинки
Из практически родного теперь Боткинского морга:
Деревянное лицо, темно-серый костюм в полоску,
Который вместе с трусами Дольче-Габбана
(За которые покойный орал бы на меня три дня,
Положенные для других целей)
Носками Etro, белой рубашкой Диор,
герленовским одеколоном
И левым, признаться, мылом
Я собирала агенту Сергею своими руками
Не отсохли

2006

ИСТОРИЯ КАТУЛЛА

Катулл пишет Лесбии, пишет цезарю.
Он не то что не может с собою справиться —
Полетит к голубю, полетит к сизарю.
У него нет другого оружия,
Нету щита и доспехов
Его сердце кровоточит
И голова кружится
Не совсем от успехов.
Скорее, от ужаса.

Его частушки ходят по городу
Под его окном рыдают красавицы
И народ визитками обменивается.
Слухи как эпидемия распространяются,
Что печален Катулл, утонченный пьяница

Ему наплевать на судьбу местной словесности.
Боль у него в голове как пьявица.
Наружное и внутреннее принимаются,
Но не способствуют.
Он дурно ориентируется на местности,
Но прекрасно держится.

Он часто плачет и отворачивается
В своем *таинственном лесу*.
Воробышек умер, Лесбии нездоровится.
Ничего существенного, за вычетом
Невозможности, невероятности
Встретиться
Ничего по-настоящему катастрофического
Такие истории неважно кончаются,
Но необъяснимо завораживают

Возможно, это свидетельство маниакальности
Экстремальной ситуации
9.11, 02, 03, пожарная лестница
Собора города Намюра
Поскользнулся во сне на улице
На груди отпечаталась стопа предшественницы
Предстоятельницы

……..

Катулл визжит от боли, повизгивает от боли,
Как маленькая собачка.

Плачет, когда никто не видит.
Впрочем, не особо стесняется тоже.
У него совсем нет мужества,
Мужеложества, женоненавистничества
Он усирается от ужаса

Он идет, идет, едет, едет,
И скрыт его маршрут
От радаров совецких разведчиков.
Его в зарницу больше не берут,
Как волчицу и пляшущую человечицу

– Ему кажется, что тело течет.
Он знает своих наперечет,
По списку снайперов,
Но и своим не слишком доверяет.
Порядок измерим его чутьем.
Чутье никто не измеряет

Измерщиков – к стенке,
Думает он муторно; нет аппарата
Летательного, как в семнадцатом веке.
Остались одни православные иерархи.
Когда же изменится эта страна? эти порядки?

Как много противоречащего
Его чувству прекрасного, настоящего,
Когда мужчины плачут, музы подначивают,
Девушки не торгуются, а открываются
Навстречу глубокой нездешней печали,
А благодарные юноши
Ебутся чисто из благодарности
И восторга, даруя блаженство?
Без ревности и зависти?
А?
Сам-то Катулл обычно ревнует до помрачения
сознательности.

Вообще, он озадачен.
Он иногда так истощен,
Что не в состоянии
Отвечать на деловые звонки.
Его естественное обаяние
Уже не покрывает представительские.
Цезарь и его клика
Совсем потеряли приличия.
Они думают, что их дела важнее болезни Лесбии,
Важнее смерти воробышка.
Как они могут так думать, они совсем охуели,

Думает Катулл; его тушка
Готовится к операции, он волнуется:
Как там медные ножи хирургов, остры ли? Горяч ли
огонь? Дадут ли цикуты?
Наконец, как там семейная гробница
На случай дурного исхода?
Философствовать – готовиться к смерти,
И он-то готов, но вот как остальные?
Чувствуют ли ностальгию по настоящему?
На пошли бы нахуй все остальные,
пластиковые и стальные?
Злые клоуны? умеющие заставить его работать Золушкой?

Он сомневается.
Он еще находится в этом мире.
Ему необходимо сосредоточиться.
Боги не любят рассеянных,
Дающих невыполнимые обещания,
Делающих опрометчивые заявления.

Кажется, надо признать, что его воплощение – женщина,
Так получается,
Выбранное им по доброй воле и в трезвой памяти
Из желания спасти окружающих.
А это означает полное погружение в бездну
И редкое обращение к вышестоящим товарищам.
И ему кажется,
Что он живет не в последний раз,
И никого об этом не предупреждает,
И уходит в библиотеку.

……..

я живу быстро
умираю молодой
каждое утро
как дым надо водой
как написал мне когда-то один музыкант и поэт
эту историю ставит поутру сосед

Катулл учит девочку, хочет девочку,
Хохочет над мальчиком, пинчарит деточку,
Мочит ласточку, уже не плачет
Сухую корочку, дрочит палочку
Вообще не думает, что это значит

Его сексуальность немного печалится
От него отдельно. Он с нею соглашается,
Но не особенно заморачивается.

Он понимает, что стигматизирован.
Ему стыдно, что он муж мертвой девушки.
Ему кажется, что это крайне значимо.
Но этого никто не замечает.

Его привязанности теперь отличаются
От более-менее общепринятых:
Какие-то случайные девчонки и пидоры,
Амбициозные провинциалы, столичные штучки.
Он бросает родных и отчаливает
В город, где по-прежнему напивается.
Мало об этом задумывается
И не хочет встречаться с себе подобными.

Вопросы интервьюеров его озадачивают.
Он с трудом уворачивается,
Но слово за слово.

Его вообще более не волнует истина,
Только экстремальные состояния: см-ть, предательство,
Вопросы стиля, имперские войны, жутковатые
путешествия,
Короткие, но действенные, как цикута.
У Катулла, как известно, хуевое здоровье,
Но это не предмет общественной дискуссии.

И Лесбия! Лесбия! Она является ночами
Вместе с мертвым воробышком! Они играют! Целуются!
Он просыпается от рыданий! Он смотрит на ее
фотографии
В Петродворце и Павловском парке; он отворачивается
К портрету Николы-Угодника.
Но она так прекрасна, ее жесты, как звезды,
Ее кисти, ее щиколотки, ее попа; это невыносимо,
эта невинность и это блядство.
Он никогда не видел ничего более совершенного.
Конечно, в этом месте он все-таки заморачивается.

Он продолжает любить мертвую,
Не хочет признавать смерти,
Не хочет в этом признаваться.
Он живет в каком-то виртуальном отчаянии,
В *таинственном лесу*,
Где все еще возвращается, разворачивается
Как вертоград
Райский

Товарищи
Ведут себя так, как будто они – цезарь,

Плюющий на общественные приличия.
Они готовы писать эпитафии
Строить достойные надгробия
Он готов разбить об стенку голову
(И периодически разбивает),
Только чтобы этого не было.
Только бы вернуть живые созвучия,
Блядскую правду, мучительные многоточия,
Неправедные
Бомбардировки городов, где он мог
Поноси́ть ее как подорванный.

Из истории литературы известно
Что римский кликуша
Умер раньше своей голубки
Какая-то ужасная все-таки сверху степень отчетливости

…….

Он живет быстро, умирает молодым.
Над водою – пули дум-дум, дынц-дынц, дым-дым,
Лодка уходит в другую страну.
На щеках мертвеца – индейский грим.
Поднимите над ним простыню, натяните над ним.

Ибо входит жених выше самых высоких мужей.

Он приснится под утро, он скажет: сбежал.
Знаешь, там был один пацан,
Мы сговорились и подняли, вместе смогли
Эти доски и гвозди и комья земли.
И никто из свидетелей не отрицал.

Я держал его руку и он мою, знаешь, держал.
И потом доложу:
Я стопу поцелую тому пацану.
Наконец я признаю: Он прав.
Я прошу Его всех друганов: поддержите его, помогите ему,
Я пускай догорю, можжевеловый куст, до корней догорю,
Но найдите дорогу ему.

……..

как сухая щепа после молньи, как медленный расовый дуб
как сухие дрова и сухая листва
омертвелое дерево молния в лоб
а была ведь когда-то жива
и вода протекала

это все не вопросы ума, не предмет мастерства
как сухая игла, как сухая звезда волшебства
среди черного света гравера сухая игла гробовая игла
подними леденелого лба

о, возможна ли женщине мертвой хвала?
да, конечно, возможна и необходима
чтоб она понимала и там, что любима

…….

а потом я устала всем говорить, что ты умер
по мобильному телефону
твоему с фотографиями
любимых мальчиков и девочек
и я его более не включаю
на звонки более не отвечаю
лежу только и плачу
вниз мордой
цыганской

……

КАТУЛЛ ПРИТВОРЯЕТСЯ, ЧТО ОН ОРФЕЙ, И СПУСКАЕТСЯ В АД

В сущности, нет никакой преграды
Между миром живых и миром мертвых.
Это какая-то сильная заморочка,
Что эта преграда есть.

Вспомнить свои сны.
Мать стоит под окном,
Хочет вернуться назад.
Но твоя глупость и страх
Не позволяют ей
Войти в этот дивный дом,
В ее отцовский сад,
В сад ее мужа,
В ее мужской, мужеский сад.
В дом с садом, который
Сажали ее мужчины,
Сначала ее отец,
Потом ее муж, мой отец.

Там есть мое окно.
Оно выходит туда,
Где весною обычно цветет абрикос
Или под снегом полгода стоит.
Почему-то она

Просит меня впустить,
Как будто сама не могла,
Через мое окно.
Я говорю: входи.
Но еще не могу понять,
Почему она там стоит
И никак не может войти —
Оттого ли, что умерла?
И я не могу это принять?
И я не могу отворить?
Или думаю, что так и есть,
И ей не надо сюда?
Мне страшно ее впустить?
Тогда я была глупа.
Никак не могла решить.
Тогда я не видела призраков дня.
Тогда я не видела призраков ночи.
Только слышала слабые голоса
Когда отвлекалась в трамвае.
Тогда я не знала, что призраки здесь
Любимые мертвые на небесах
Одни упокоены, другие молчат
Вслепую
И смотрят, как русские после войны
С большим сожалением, будто больны
На нас
Солдаты
Их до́мы зеленые возле домов
Живых. Мы строили после войны,
Как жатвы. Как жертвы. Как жабры, дышали.
Хотели дышать. Многоэтажные дети страны.
Мы были бессмертны, отважны,
Как русские дирижабли, в будущем сожжены
В высоких слоях атмосферы.
Как страстотерпцы
Смирившиеся с запахом серы

……

В общем, берешь его/ ее за руку
И говоришь: пошли.
Я никогда не оставлю тебя.
Я тебя не покину.
Я всегда буду с тобой.
В общем, то же, что и живым.
Там не страшно.
Там только ужасно странно И легко потеряться.
Это и напрягает.
А они еще не привыкли.

Поэтому их надо все время держать,
Все их первое время,
Типа пуповина,
Когда ты и мать, и детеныш.
Это ужасно тяжелая работа.
Ты должен быть абсолютно сосредоточен.
Наверное, это немного похоже
На работу диспетчера аэропорта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.